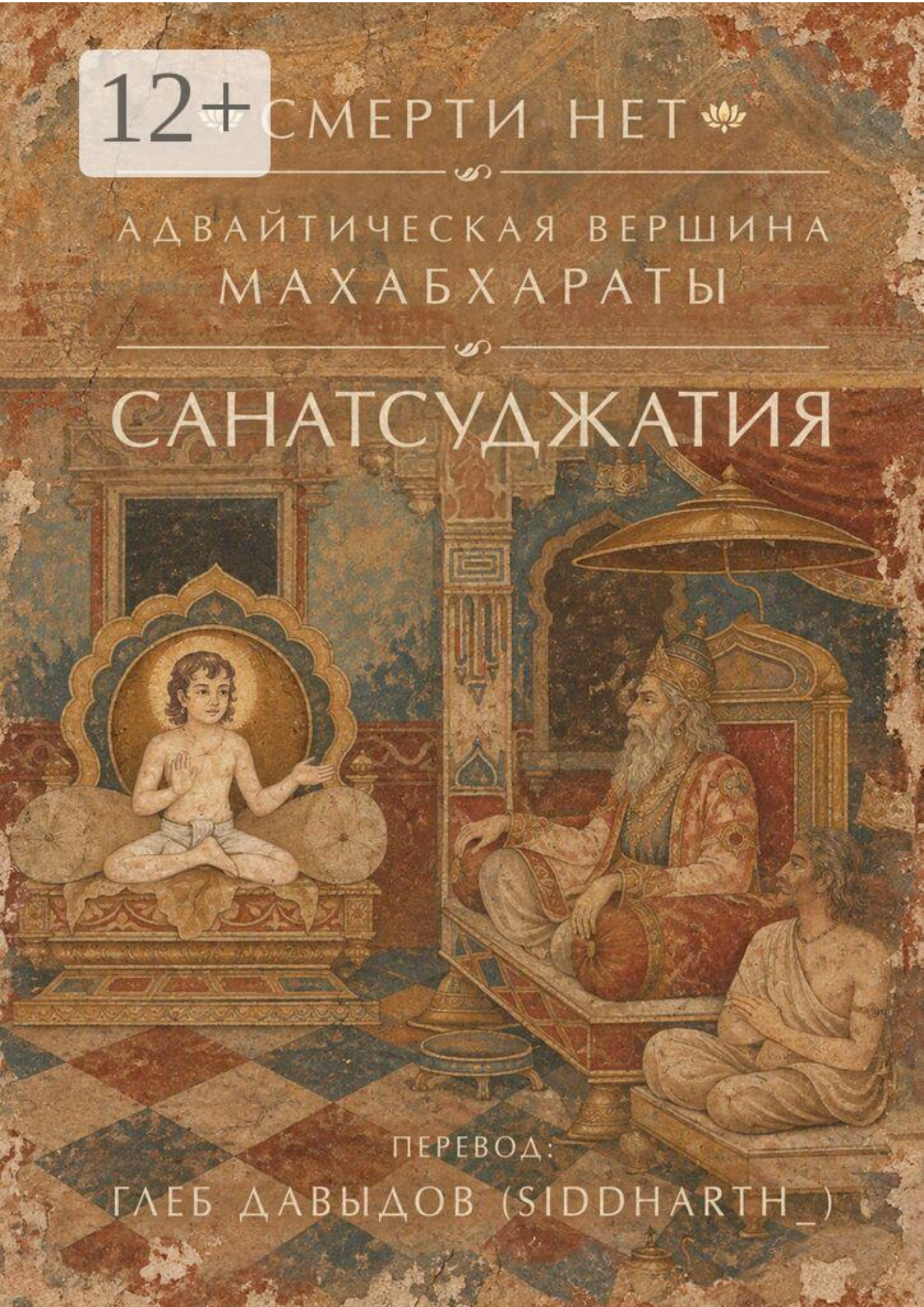
12+

СМЕРТИ НЕТ

АДВАЙТИЧЕСКАЯ ВЕРШИНА
МАХАБХАРАТЫ

САНАТСУДЖАТИЯ

ПЕРЕВОД:
ГЛЕБ ДАВЫДОВ (SIDDHARTH_)

Глеб Давыдов

Санатсуджатия: Смерти нет. Адвайтическая вершина Махабхараты

«Издательские решения»

Давыдов Г.

Санатсуджатия: Смерти нет. Адвайтическая вершина Махабхараты / Г. Давыдов — «Издательские решения»,

«Санатсуджа́тия» — небольшой текст, который включён в состав эпоса «Махабхарата» (ок. 2500 лет назад). Санатсуджа́та (он же Санаткума́ра) — имя великого мудреца, сына бога Бра́хмы. Отказавшись от мирского творения ради постижения Истины, Санатсуджата обрёл вечную юность и Бессмертие. В «Махабхарате» он является царю Дритара́штре и передаёт ему Высшее Знание, Брахмави́дью. Наряду с «Бхагавад Гитой», этот эпизод считается важнейшим во всей огромной «Махабхарате».

© Давыдов Г.
© Издательские решения

Содержание

Одна ночь Махабхараты (Вместо Предисловия) 6
Слово Санатсуджаты 10
Глава 41 10
Глава 42 13
Глава 43 21
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Санатсуджатия: Смерти нет
Адвайтическая вершина Махабхараты

Составитель Глеб Давыдов
Переводчик Глеб Давыдов
Дизайнер обложки Марианна Мисюк

Благодарности:
Артём Кайда, Анастасия Кошенкова, Валентина Смирнова

© Глеб Давыдов, составитель, 2026
© Глеб Давыдов, перевод, 2026
© Марианна Мисюк, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-6655-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Одна ночь Махабхараты (Вместо Предисловия)

Махабхарата. Поздний вечер. В покоях царя Дритараштры тускло горят масляные светильники и струится мягкий сандаловый дым. Полумрак.

Уже два часа кряду царь Дритараштра с боку на бок ворочается на своём огромном ложе, отделанном золотом, слоновой костью и рубинами. Тщетно пытаясь погрузиться в сон, он то молится, то пытается принять какое-то важное решение, то в приступе внезапной паники вскакивает и начинает бродить по своим покоям. Потом опять ложится, вновь пытается уснуть, но мысли не останавливаются ни на миг. «Проклятье! Во всём виноваты эти кости! Я ведь знал! Всё знал! mūḍha! durbuddhi![1]»

Он отчётливо вспомнил второй раунд игры в кости между своим шурином Шакуни и Юдхиштхирой. Мелькнул в памяти и отвратительный эпизод с Драупади — ещё тогда, после первого раунда. «Я ведь знал. Моя слепота никак меня не оправдывает. Знал…»

Пандавы и Кауравы. Две ветви одного и того же царского рода, которые вступили в смертельное противостояние за престол великого царства. Обе группы происходят от одного деда — царя Вичитравирьи. Кауравы — это 100 детей царя Дритараштры во главе с Дурьоданой. Пандавы — это наследники царя Панду (младшего брата Дритараштры). Их пять: Юдхиштхира (старший брат, зачатый с помощью бога Дхармы и ставший воплощением правды, — законный наследник престола), Бхима, Арджуна, Накула и Сахадева.

Пандавы и Кауравы росли вместе и вместе обучались воинскому искусству у наставника Дроны. С самого детства Пандавы превосходили своих двоюродных братьев в силе, благородстве, воинском мастерстве, да и народом они были любимы больше. Всё это зародило в старшем сыне Дритараштры, Дурьодане, лютую зависть.

…Дритараштра опять резко перевернулся на другой бок. При этом в его уме вспыхнул образ Дурьоданы и отчётливо прозвучали слова: «Если престол достался тебе, отец, пускай и временно, то теперь именно ты — законный правитель Хастинапура, а я — сын правящего царя, и имею полное право унаследовать престол после тебя!» Потом в голове пронеслось: «Он же угрожал покончить с собой. Ну как я мог не встать на его сторону!» И тут же другой голос — кажется, голос Санджаи: «Нет, ты всё знал. Ты и Видуре признавался в том, что не следовал дхарме». Дритараштра понимает: это конец, всех его сыновей ждёт теперь ужасная гибель.

Слепой Дритараштра и в самом деле занимал престол временно — пока Панду (в силу обстоятельств, которые оставим за кадром) ушёл в лес. Когда Панду умер, Дритараштра стал постоянным царём и официально назначил старшего Пандава — Юдхиштхиру — наследным принцем (ювараджей). Это окончательно взбесило Дурьодану, и он стал плести интриги, в результате которых царство разделили: Дурьодана получил Хастинапур, а Пандавы — пустынную землю, которую они вскоре превратили в процветающее царство Индрапрастху. В итоге, завидуя богатству Пандавов, Дурьодана и Шакуни обманули Юдхиштхиру в игре в кости, отняв у Пандавов свободу и отправив их в 13-летнее изгнание.

…В холодном поту Дритараштра в очередной раз садится на своей перине. «Я ведь знал и это». Он громко кричит: «Эй! Есть там кто? Дварстха!» Входит привратник. «Позови Видуру!»

Входит Видура, ближайший советник царя, его младший брат, рождённый служанкой. Самый мудрый во дворце человек. Царь говорит: «То, что сказал мне Санджая, вернувшись сегодня вечером от Пандавов, жжёт моё тело! Его слова лишили меня сна. Поговори со мной».

…Дело происходит ещё до событий «Бхагавад Гиты», но уже, как понимает читатель, после той самой судьбоносной повторной игры в кости, в результате которой проигравшие

---

[1] ***mūḍha*** *— санскр. ослеплённый неведением (очевидно, что известное русское ругательство происходит от этого санскритского слова);* ***durbuddhi*** *— санскр. дурной ум.*

Пандавы должны были, по условиям раунда, 12 лет провести в диких лесах, в изгнании, отказавшись от царских привилегий и живя как отшельники. На 13-й год они могли вернуться, но всё ещё должны были жить среди людей инкогнито — под чужими именами и в чужом обличии. При этом если бы Кауравы (или их шпионы) смогли раскрыть настоящие личности Пандавов в течение этого 13-го года, весь 13-летний цикл изгнания обнулялся. Пандавы были бы обязаны уйти в лес ещё на 12 лет и затем опять один год скрываться. Если же проигравшие честно и полностью выполняли условия все 13 лет, им обязаны были вернуть их царство.

Пандавы строго соблюдали договор, несмотря на все страдания и трудности. Они не стали собирать союзников и начинать войну, хотя имели на это силы и поддержку со стороны Кришны и царя Друпады. Для Юдхиштхиры слово и клятва были абсолютны.

13-й год они провели при дворе царя Вираты под видом слуг. Кауравы, подозревая, где могут скрываться Пандавы, совершили нападение на царство Вираты, чтобы выманить тех на бой. Пандавы действительно вступили в бой и защитили царя Вирату, но… это был самый последний день! 13-й год официально уже истёк! Они выполнили все условия и имели полное право получить своё царство обратно. И тут происходит то, что не снилось и самым подлым нарушителям дхармы: Дурьодана заявляет: «Я узнал их раньше! Я не отдам им царство». Так Великая война, знакомая большинству читателей по «Бхагавад Гите», оказалась неизбежна.

Тем не менее царь Дритараштра пытается предотвратить эту бойню. Ведь он прекрасно понимает, что его сыновья грешны и слабы, а потому неизбежно будут уничтожены, если вступят в битву с Пандавами. С миротворческим (но всё же хитрым и вероломным) посланием царь отправляет к Пандавам своего возницу Санджаю.

И вот Санджая прибыл к Пандавам, выслушал их твёрдый ответ и был глубоко впечатлён прямотой и честностью Кришны и Юдхиштхиры — и, конечно, исходившим от них божественным сиянием. Вернувшись в Хастинапур поздно вечером, взволнованный и глубоко возмущённый лицемерием своего государя, Санджая тут же сказал Дритараштре, что объявит ответ Пандавов только утром, перед всем царским советом. В качестве прелюдии он эмоционально упрекает царя за его слепую любовь к сыну и неправедность — и уходит спать.

Дритараштра в смятении, ему страшно. Он не может уснуть и призывает Видуру, чтобы тот помог скоротать ему время этой беспокойной ночи. Видура решает воспользоваться моментом и повернуть сознание царя в благоприятное русло — и начинает говорить с ним об этике, политике, управлении государством и правильном поведении. Под конец этой беседы, зафиксированной в «Махабхарате» под названием «Видура-нити» (главы 33—40 Удьйогапарвы), Дритараштра всё там же — исполнен тревожных ожиданий и лицемерных угрызений совести. Этика не успокоила его лихорадочно вращающийся ум.

Уже поздно. Дритараштра нервно постукивает по роскошной деревянной кровати крепко сжатым кулаком, вполуха продолжая слушать поучения Видуры. И тут внимание его зацепляется за одно странное слово, только что произнесённое Видурой: «Амритаттва». Бессмертие. «Царь, — говорит в этот момент Видура, — всё это, что я тебе сейчас рассказал, конечно же, важные вещи, но они не приведут тебя к Бессмертию, к полному Освобождению. Всё это вещи мирские, материальные. Но есть то, что выше! Духовное. Ты должен знать об этом».

Тут Дритараштра оживился, стал просить Видуру рассказать ему об этих высших вещах, на что Видура ответствовал: «Я не могу говорить о таких высоких материях. Но я могу сделать одну вещь: своей йогической силой я призову сюда божественного вечно-юного мудреца, и он тебе всё расскажет». Царь делает нетерпеливый жест: «Что за ерунда, какой ещё вечно-юный! Ты что, сам не знаешь?» Видура поясняет: «Я зачат в утробе шудры. Мне не положено. Но Санатсуджата расскажет тебе всё».

Закрыв глаза, Видура входит в глубочайшую медитацию и на тонком ментальном уровне связывается с вечно-юным мудрецом Санатсуджатой. И просит его явиться во дворец. Будучи всеведущим, Санатсуджата, конечно же, знает, что ему предначертано явиться и преподать

царю Дритараштре самое важное, что только можно преподать в этом и во всех других мирах, — Брахмавидью. Поэтому он тут же откликается на зов Видуры и материализуется прямо в покоях царя. Здесь-то и начинается эта небольшая гита — «Слово Санатсуджаты», или «Санатсуджатия», как принято называть этот культовый текст в Индии и в англоязычном мире.

Кто такой этот Санатсуджата? Он — один из четырёх детей Брахмы, так называемых его «манаса-путров», то есть рождённых непосредственно из ума Бога-Творца. Дело было так: создавая мир, Брахма сотворил сначала четырёх человек, звали их Санака, Санандана, Санатана и Санаткумара. Именно последний из них, Санаткумара[2], известен также под именем Санатсуджата.

Эти четыре сына Брахмы воплотили в себе чистое знание и отречённость. Им было предназначено стать основателями рода человеческого, но они от этой миссии решительно отказались (то есть по сути отказались от вступления в брак и от мирской жизни и стали первым примером сознательной отрешённости от творения и продолжения рода, поставив Истину и Свободу выше мирской суеты). Поэтому они навсегда остались вечными юношами и в то же время воплощениями Мудрости — Бессмертными, укоренёнными в Брахмане.

Итак, «Санатсуджатия» обнаруживается внутри огромного древнеиндийского эпоса «Махабхарата» — в составе Пятой её книги, которая называется «Удьйогапарва». «Санатсуджатия» занимает шесть глав этой книги. В них — учение, которое Санатсуджата в течение нескольких ночных часов даёт слепому царю Дритараштре. В контексте «Махабхараты» этот слепой царь, хотя и могущественный и образованный, в основном предстаёт как воплощение тамаса (тьмы невежества). Санатсуджата же — великий аскет, установленный в Брахмане, воплотивший в себе все вершины Мудрости и Духа, которые только могут быть доступны человеческому существу. В «Чхандогья Упанишаде» (Седьмая часть) Санаткумара даёт важнейшее учение Нараде, начиная его со слов: «Всё, что ты изучил, — лишь названья». А заканчивая шлоками об Атмане — например, такими:

И внизу, и вверху — только Атман,
Атман сзади и Атман спереди,
Атман справа и Атман слева,
это всё — только Атман, воистину,
и кто видит, что это так,
и кто думает так, и кто знает,
и кто любит этого Атмана,
кто играет с Атманом и
воедино сливается с Атманом,
наслаждается Атманом кто —
самодержцем всего становится
и во всех мирах может делать
всё, что только ему пожелается.
А другие, кто по-иному
рассуждают, те попадают
под иных управителей власть.
И не смогут они остаться
в мире том, где они пребывают,

[2] *В теософском учении Санаткумара известен как своего рода богочеловек, верховный владыка иерархии Света. Блаватская выводит его как одного из семи «Дхиан-Коганов» (владык духовного созерцания), главного вознесённого владыку. В учениях Е. И. Рерих и А. Бейли он выступает как «Господь Мира», глава духовной иерархии земли, живущий в Шамбале. Считается, что он совершил акт самопожертвования, спустившись в материю и наделив людей знанием и волей. Последнее особенно перекликается с его ролью и учением в «Санатсуджатии».*

и в других остальных мирах
делать, что пожелают, не смогут.[3]

В 2026 году после перевода 11 важнейших Упанишад и издания их в виде трёхтомника «Наивысшие Упанишады» Глеб Давыдов (он же Siddharth) решил навсегда прекратить заниматься переводами. Осознавая, что после вершины Вед (каковыми предстают Упанишады) переводить ещё что-то уже больше нет смысла (ведь в Упанишадах есть всё, что требуется ищущему Истину!) он решает оставить свой переводческий пост, который держал в течение шести лет, живя в святом, но климатически не приспособленном для комфортной жизни городе Тируваннамалай на юге Индии, и переехать в другое место.

Однако Реальность настойчиво обращает внимание переводчика на «Махабхарату». «Что за ерунда? — думает Сидарт. — Ну не переводить же мне теперь „Махабхарату“ со всеми её хитросплетениями судеб и интриг. Мне и своей лилы — предостаточно!» Но затем приходит более конкретная информация: перевести нужно только «Санатсуджатию», короткий текст, который не заставит погружаться в дебри индийских страстей, но при этом содержит их главную суть, указание на самый их корень, как и на то, чтобы выкорчевать растущее из этого корня дерево. Текст, по силе и значимости равный Упанишадам. Этот текст просто обязан быть переведён на русский язык подобающим образом! Он, конечно, уже был переведён, причём, как минимум, дважды. Но эти переводы В. И. Кальянова и Б. Л. Смирнова — сухие академические переводы, так что дух этого великого Послания почти не сохранился в них (подобно тому, как почти не сохраняется аромат живого цветка в цветке засушенном). «Пришлось остаться в Тируваннамалае и взяться за работу, о чём я, однако, ничуть не пожалел, — улыбнулся Давыдов, передавая мне рукопись для написания этого предисловия. — Текст захватил меня полностью и не отпускал, пока не была переведена последняя его шлока. Остановиться не было никакой возможности». То же самое могу сказать о тексте и я: текст захватил меня полностью и не отпускал, пока не была прочитана последняя его шлока. Остановиться не было никакой возможности. Уверен: то же самое скажете и вы.

Вениамин Бох

[3] *Процитировано по изданию «Наивысшие Упанишады. Том 2. Чхандогья», перевод: Глеб Давыдов (Siddharth).*

Слово Санатсуджаты
Фрагмент Удьйогапарвы, 5-й книги Махабхараты

Глава 41

41.1
Дритара́штра сказал:

Есть ли сло́во какое важное,
что ещё не сказал ты, Виду́ра?
Твои речи чудесны! Гото́в я
им внимать бесконечно с почте́нием!

41.2
Видура сказал:

Дритара́штра, сын Бха́раты! Во́т
что изрёк вечно юный и древний,
называемый Санатсужа́той:
«Смерти не́т! Её попросту не́т!»

41.3
Махара́дж, он поведает всё —
сокровенное в Сердце и я́вное!
Из мудрейших он самый му́дрый
и способен То передать.

41.4
Дритарашт̣ра сказал:

Разве ж сам ты не ведаешь То,
что поведал бы Санатсужа́та
этот Вечно-Ю́ный? Пове́дай мне,
что ещё не сказал ты, но зна́ешь!

41.5
Видура сказал:

В лоне шудры зачат я, поэ́тому
я не смею сказать тебе бо́льшего,
чем сказал, хоть и знаю То Ве́чное,
что сумеет поведать Юный.

41.6
Ведь рождён он Бра́хмой самим,
и когда изречёт он тайное,
порицаем не будет бога́ми.
Вот поэтому так говорю.

41.7
Дритараштра сказал:

О Видура́, замолви слово
за меня перед Вечным и Древним, спроси́,
как мы можем, пока я в те́ле,
встречу с ним устроить прямую́?

41.8
Вайшампаяна сказал:

Всё вниманье направил Видура́
к тому ри́ши, в обетах твёрдому,
безупречному. И Вечно-Ю́ный,
распознав этот зо́в, явился.

41.9
И Видура его почти́л,
как обряда порядок требовал.
А зате́м ему, отдохну́вшему
и удобно сидящему, мо́лвил:

41.10
Видура сказал:

Бхагава́н! У царя Дритара́штры
ум в сомне́ниях пребывает.
Не могу́ я их сам устранить.
Но в твоих это силах, про́сим!

41.11
Пусть, услышав тебя, царь пойдёт
за пределы страда́ний всех.

41.12
Чтоб его не могли унести
ни поте́ри, ни обрете́ния,
ни прия́тное-неприя́тное,
старость, сме́рть, нетерпенье и стра́х,
голод, жа́жда, отрава гордыни,
скука, ле́нь, вожделение, гне́в,
и паде́нья, и взлёты. Всё э́то
чтоб его́ одолеть не могло́.

Так заканчивается в достославной Махабхарате, в Удьйогапарве, в Санатсуджатапарве сорок первая глава.

Глава 42
Наставление об Истине, данное Санатсуджатой Дритараштре

42.1
Вайшампаяна сказал:

И, почтив внима́нием слово Виду́ры,
царь разу́мнейший Дритара́штра,
с глазу на́ глаз оставшись с Сана́тсуджа́той,
вопроша́л его, великий душо́ю, ради му́дрости вы́сшей.

42.2
Дритараштра сказал:

Слышал я наставле́нье твоё, о Сана́тсуджа́та:
«Смерти не́т». Но зачем тогда бо́ги и демоны
обрести воздержаньем бессме́ртье стараются?
Что из этого ве́рно, что из этого и́стинно?

42.3
Санатсуджата сказал:

Царь! Одни говорят, что Бессме́ртие
обретается лишь через пра́ктики.
А други́е — что смерти не́т!
Не теря́йся, однако же! Слу́шай!

42.4+
О, средь кшатриев лу́чший, знай: пра́вда
есть и в то́м, и в другом.
Мудрецы́ признают,
что неве́денье — смерть.
Опьяне́ние снами[4] — вот то́,
что назва́л бы я смертью.
Бессме́ртьем — трезве́ние.

[4] *Комментарий к этому моменту см. на стр. 66 (здесь и далее номера страниц действительны только для бумажного издания и pdf-версии)*

42.5
Опьяне́нье — причина поги́бели демонов,
а трезве́нием боги слива́ются с Бра́хманом.
Смерть не ти́гр какой-то, живы́х пожирающий!
Нет у сме́рти поистине ни фо́рмы, ни образа.

42.6+
Кто-то Яму зовёт от смерти отличным, ведь о́н
пребыва́ет в Я-Естестве́, что бессмертно,
воздер́жан от внешнего.[5]
В мире пре́дков он царь, и дару́ет он благо благим,
и небла́го приносит он те́м, кто от блага отпа́л.

42.7+
Отпада́ет от блага же — то́т, кто личи́ной[6] становится.
Возника́ет в нём гнев, опьянённость,
корысть и блужда́ния смертные.
Это ло́жное «я» за себя́ принимая, плута́ет он,
связь утра́тив с Истинным Я, Естеством[7].

42.8
И вот та́к, заблуждаясь, во вла́сти обмана,
уходя́ в мир иной, возвраща́ется вновь.
Даже бо́ги способствуют э́той
круговёрти от смерти к сме́рти.

42.9
В каждом де́йствии он к результа́там привязан
и поэ́тому смерть одоле́ть неспособен.
Он не ве́дает истинной це́ли Единства.
Лишь усла́ды для тела он ищет повсюду.

42.10
В этом чу́вств великом блужда́нии,
вечно и́щущих слиться с маня́щими
миража́ми, охвачено ло́жью
Естество, предаваясь лишь вне́шнему.

[5] *Комментарий к этому моменту см. на стр. 68*

[6] *Комментарий к этому моменту см. на стр. 69*

[7] *Слово «Естество» в переводах Сидарта выступает в качестве эквивалентного перевода слова «Атман».*

42.11+
Убива́ет миры жажда к вне́шнему опыту,
добива́ют же — гне́в и желания.
Вот что к сме́рти ведёт незре́лых.
Ну а сто́йкие — стойкостью смерть превосхо́дят[8].

42.12+
Тот, кто жа́ден до внешнего, гу́бит себя,
по небре́жности, словно во сне́, неосознанный.
Мудрый[9] — Зна́нием все побеждает желания,
смерти о́н не подвержен, для смерти — он сме́рть.

42.13
Тот, кто го́нится за исполнением
преходя́щих желаний, ги́бнет.
Ну а кто́ желанья отбро́сил,
тот всю скверну с себя — стряхну́л.

42.14
Тьма и свет для живущих — что а́д,
предстающий как ми́р проявленный.
Они ме́чутся, словно слепцы́,
устремля́ясь прямо к обры́ву.

42.15
Что может сде́лать смерть тому́, чей ум не омрачён?
Она ему как ти́гр из соло́мы!
Он не заме́тит её вовсе! Кша́трий, зна́й:
нет для него всех этих зме́й игру́шечных.

42.16
Гнев и жа́жда, омраче́нья, стра́х,
что возникли в Естестве внутри́, —
вот вои́стину, что сме́ртным тело де́лает.
Зная смерть вот та́к, тем чистым Зна́нием,
не бои́шься смерти — ги́бнет смерть.
Ну а сме́ртный гибнет, став лишь ве́щью, телом.

42.17
Дритараштра сказал:

[8] *Комментарий к этому моменту см. на стр. 71*
[9] *Комментарий к этому моменту см. на стр. 72*

Те миры благие, что брами́ны
обретают приношеньем, Веды
называют высшей целью, вечной, чистой.
Почему же Видящий — вне ритуалов?

42.18
Санатсуджата сказал:

Те пути́, что в Ведах суля́т
много це́лей, — лишь для неве́жд.
Кто обрёл уже здесь Естество́ —
их отбро́сил. Путь его — вы́сший.

42.19
Дхритараштра сказал:

Кто управля́ет этим Нерождённым Ве́чным,
который распуска́ет всё вот это?
Что дви́жет Им? В чём це́ль-Его-усла́да?
Скажи́ мне, о мудрейший, всё как есть!

42.20
Санатсуджата сказал:

Если е́сть ошибка иль гре́х великий, то во́т он:
мнить разли́чия в Том, что еди́но и вечно по су́ти.
Безначально и ве́чно единство всего, что едино с Еди́ным.
Так и все существа́ — единством тем ве́чны и соверше́нны.

42.21
Тот Госпо́дь — Он вои́стину вечен,
в со-еди́нстве творит с переме́нами
Он вселе́нную, это Его́
сила-ша́кти, Ве́д становле́ние.

42.22
Дхритараштра сказал:

Почему́ здесь иные́ в соответствии с дха́рмой
поступа́ют, а кто-то вразре́з
идёт с пра́вдою? Что же побе́ду
здесь оде́ржит: правда иль гре́х?

42.23
Санатсуджата сказал:

И то, и э́то устраняет Ви́дящий
посредством Джня́ны — в Совершенстве пребыва́я.
Без Джняны ж покидая мир, вкуси́т душа
плоды благи́х и грешных де́л своих.

42.24
И получит и то́, и другое,
ведь такая душа́ крепко ка́рмою связана:
дел плода́ми благих и дурны́х.
Ну а Ви́дящий —
правдой дурное отсе́к в этом мире,
так что зна́й же:
правда сильне́е в конечном итоге.

42.25
Дхритараштра сказал:

Расскажи о мира́х, уготованных тем брами́нам,
что творят в этом ми́ре благо в соответствии
с вечною пра́вдою.
Расскажи о ступе́нях этих миров, о путя́х, к ним ведущих.
Я хотел бы об э́том, о Видящий, знать, а не то́лько о карме.

42.26
Санатсуджата сказал:

Когда мир покидают брами́ны,
что в обе́тах соревнова́лись,
как атле́ты в мощи теле́сной,
то идут в сва́рга-ло́ку, в сияние.

42.27
Когда мир оставляют ревни́тели

дха́рмы-правды, что помогла им
получить понима́ние-знание,
обретают блаженство в раю.

42.28
Те, кто ведает Веды, счита́ют
поведенье таких соверше́нным.
Но ни близкие, ни посторо́нние
не считают людей таких ва́жными.

42.29
И когда такой получа́ет
пропитание в изобилии,
как вода и трава от дождя,
он дово́льствуется, не цепля́ясь.

42.30
А обща́ться ему во бла́го
только с те́м, кто не скажет ли́шнего
и не сде́лает ничего,
что могло́ б вызвать страх иль несча́стье.

42.31
Тот, кто ви́дит Себя лишь А́тманом,
Естеством, и ниче́м не терзается,
и не за́рится на чужое,
тот вкуша́ет лишь благо, — при́знано.
Йоги знают: трава и кора́[10] —
это всё, что нужно такому.

42.32
Как собака или дитя
поеда́ет свою же рво́ту,
так и тот, кто отрёкся от ми́ра,
демонстри́руя силу, вреди́т себе.

42.33+
«Пусть всегда буду я незаме́тным» —
вот та мысль, что должна быть гла́вной

[10] *Самое необходимое, чем довольствуется садху-брамин: трава для сидения и обряда и кора (или оленья шкура) вместо одежды.*

для брами́на[11], когда он в миру́,
средь людей. Никаки́х обретений!

42.34
Этим ра́зве он может разрушить
самого Себя чи́стого — Е́стьность,
что вне о́бразов, вне движений,
вне каки́х-либо двойственных па́р?

42.35
Кто Себя́, Естество́, превра́тно
принимает за нечто друго́е,
тот Себя́ у Себя вору́ет.
Все грехи не соверши́л ли тем самым?

42.36
Пусть же будет неутоми́м,
нестяжа́телен, безмяте́жен,
умудрён, но без го́рдости ча́нной,
тот поэт, что изведал Бра́хмана!

42.37
Небогатые в сфере мирско́й,
но богатые в сфере боже́ственной,
в жертвах ще́дрые — несокруши́мы!
Знай, они́ — воплощение Бра́хмана.

42.38
Не сравни́тся с ними в вели́чии
ни один из бого́в, как и те,
кто бы зде́сь ни познал тех бого́в,
кому же́ртвы приносят для бла́г.

42.39
Почита́ют благочести́вые
тех, кто к по́честям не стреми́тся.
Но когда́ это так, не горди́тся пусть он,
а в бесче́стии пусть не терза́ется.

42.40

[11] *Комментарий к этому моменту см. на стр. 73*

В мире всё ведь в согласии с со́бственной
разворачивается приро́дою,
как морга́ние глаз. Пусть же чти́мый решит:
«Чтить — обы́чная склонность для мудрых».

42.41
«Никогда не станет досто́йного
почитать невежда непра́ведный
и привыкший ко лжи́», — так пусть ду́мает
он, когда́ унижают, не чту́т.

42.42
Но по сути почёт и безмо́лвие
сочетаться не мо́гут. Зде́сь —
мир почёта, а мир друго́й —
для безмолвия-ма́уны, знай.

42.43
Ведь мирска́я слава, бога́тство
и успе́х — это только препя́тствия
для того, чтоб войти́ в славу Брахмана!
Это тру́дно без Знания, ца́рь!

42.44
Мудрецы утвержда́ют: врата́
в славу Бра́хмана очень ра́зные
и довольно тру́днодоступные.
Это че́стность и прямота́,
скромность-со́весть и чистота́,
облада́нье собой и учёность.
Эти ше́сть — защи́та надёжная
от гордыни и заблужде́ний.

Так заканчивается в достославной Махабхарате, в Удьйогапарве, в Санатсуджатапарве сорок вторая глава.

Глава 43

43.1
Дритараштра сказал:

Чья та ма́уна? Кто́ тот безмолвный?
Под безмолвием что́ понимается?
Какова приро́да той ма́уны?
Быть безмо́лвным — просто молча́ть?

43.2
Санатсуджата сказал:

Где нет ума́ и даже Ве́д, куда́
слова войти не в си́лах — вот та ма́уна.
Но слово Вед идёт отту́да, та́м
единый с Тем сами́м сияет Му́ни!

43.3
Дритараштра сказал:

Если кто знает ги́мны Ригведы,
Яджурве́ду и Самаве́ду,
то свершив что-то грешное, бу́дет ли
он грехом осквернён или не́т?

43.4
Санатсуджата сказал:

Гимны Риг, мантры Яджур и пе́сни
Самаве́ды никак не спаса́ют,
если сле́п он и грех соверша́ет.
Это вовсе не ми́ф, говорю тебе!

43.5
Мантры Вед не спаса́ют от кри́вды
хитреца́, что обманом по́лнится.
Как птенцы́, оперившись, гнездо́ покидают,
так поки́нут его в конце Ве́ды.

43.6
Дритараштра сказал:

Если Ве́ды спасти не в си́лах,
о всеви́дящий, тех, кто зна́ет их,
то заче́м же болтают брами́ны
про спаси́тельность Вед всё вре́мя?

43.7
Санатсуджата сказал:

Проявля́ется всё сотворённое Тем
через мно́жество частных фо́рм и имён!
В Ведах, ду́хом великий, то́ мироздание
точным сло́вом звучит, раскрыва́ясь!

43.8
Труд и же́ртву верша в соотве́тствии с Ведами,
устремля́ясь к Тому, благода́ть ты стяжаешь.
Благода́ть же грехи сокруши́т, о премудрый,
Естество́ проявив, озарённое Знанием.

43.9
Через Ви́денье мудрый Себя́ обретает.
Ну а кто́ лишь к плодам своих де́л устремлён,
уходя́ в мир иной, забира́ет свершённое.
Плод вкуси́в в мире том, в колею́ возвращается.

43.10
Та́пас-тру́д — в э́том мире верши́тся,
а плоды́ — в ином пожина́ются.
Чем сильне́е тапас, тем вы́ше
мир, куда́ попадает брами́н.

43.11
Там аске́за брамина растёт.
Зауря́дный же практик на ме́сте
остаётся. А труд брами́на
расцвета́ет во всей Полноте.

43.12
Дритараштра сказал:

Как оби́льный тот тапас цветёт,
расцвета́я до Полноты?
Мне пове́дай, Санатсужа́та,
чтоб я знал об этой Всеце́лости!

43.13
Санатсуджата сказал:

Незапя́тнанный тапас оби́льный
называ́ют расцве́тшим по́лностью.
А расцве́тший полностью та́пас —
тапас то́т, что приводит к Истине.

43.14
Но в осно́ве всего, о чём хо́чешь
ты узна́ть, — сам та́пас, о кша́трий!
Этим та́пасом Веды пости́гшие
обрета́ют Бессмертие вы́сшее.

43.15
Дритараштра сказал:

Понял я́ твоё слово о та́пасе
беспоро́чном, который к ве́чному
приближает сокрытому Зна́нию!
Что ж спосо́бно тапас испо́ртить?

43.16
Санатсуджата сказал:

Начинаются с гне́ва двенадцать пороков.
Есть ещё и трина́дцать жестокостей.
И двена́дцать опор на Зна́ние — дха́рма,
что в Писа́ньях брами́нских описана.

43.17+

Гнев; хоте́ние; жадность; блужда́ния
в представле́ниях ложных свои́х;
и стремле́нье на воле со́бственной
настоя́ть; и чёрствое се́рдце;
самомне́нье-гордыня; и скорбь;
и придирчивость; и брезгливость,
также за́висть сравненья с други́ми;
и влече́нье к чувственным о́пытам —
вот двена́дцать пороков людски́х,
что всегда́ отбрасывать ну́жно[12].

43.18
Каждый гре́х из двенадцати э́тих,
о влады́ка царей, выжида́ет,
как охо́тник оленя, когда́
в челове́ка можно прони́кнуть.

43.19
Сластолю́бец, хвасту́н, горде́ц,
скопидо́м, вертопра́х, разгильдя́й —
эти шесть совершают поро́чное,

[12] *Комментарий к этому стиху см. на стр. 74*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.